

Горечь побед

Ветер Перемен

Радость от победы быстро сменилась горечью, когда посчитали раненых и убитых, коих оказалась большая часть клана. Шакалы не щадили никого, ни мужчин, ни женщин, прошлись по рядам Лис, словно с косой, значительно сократив их численность. От клана остались одни слезы - старики и дети, и лишь небольшая горстка взрослых Лис, которые все еще могли держать оружие. Но из них чуть ли не половина оказалась ранена, серьезно или не очень. Печалило и то, что в числе погибших оказался Сохроншар, но хану некогда было горевать и убиваться по поводу гибели собственного старшего сына. Как некогда и давать себе отдых и время на выздоровление - в бою его зацепило вражеской саблей, скосило клок мяса на боку, но он ограничился одной лишь перевязкой, и снова взялся за дела.

Уже был возложен последний камень на курган, похоронивший под собой всех погибших, а хан намеревался собрать вокруг себя всех старейшин и тех, кто мог еще решать, что делать дальше. Наступали темные времена, и клану грозило исчезновение. Если бы не Белые Тигры, подоспевшие вовремя, их бы перебили подчистую. Тигры отправились в Покхару, все, за исключением гостя из клана Кобр, что оставался подле раненой Яшви-Удган. За ее жизнь Хубилай всерьез опасался, поэтому и совет устраивал в лазарете, в не в своем гэре, как обычно, или у большого костра.

Оказавшись в шатре, хан первым делом проверил, не спит ли шаманка, и, увидев, что застал ее бодрствующей, подошел ближе.

- Лежи-лежи, - поспешил он сказать, - куда подскакиваешь. Раз прыткая такая, значит, силы будут совет послушать, глядишь, мысли тоже какие у тебя появятся. Справишься?

Яшви Садхир

Яшви снова спала почти весь день - тяжелая ночь, кровопотеря и боль, на которую она старалась не жаловаться принцу отнимали у нее почти все силы. Их хватало только на то, чтобы, проснувшись, выпить воды, и затем заснуть обратно. К вечеру ей стало немного лучше, но она расстроилась, узнав, что не смогла присутствовать на похоронах, хотя должна была, будучи единственным проводником между миром живых и мертвых. Ее бы никто не осудил за отсутствие, но среди погибших были люди, с которыми она хотела бы и сама проститься, а не встречать их затем в своих снах.

Сразу после похорон к ней заглянул Садхир-джи (про себя все еще было проще называть его именно так, а не по имени), а потом начали подтягиваться и другие Лисы - приползли. едва шевелясь старейшины вместе с Оронаром, еще несколько людей из тех, кто были главами самых старых родов, прибежала Алахчит, как всегда, взбалмошная и подвижная, как капелька ртути, но Яшви видела, что ее глаза были заплаканы, ведь она похоронила брата. Наконец, появился и сам хан.

Поняв, что он направляется к ней, Яшви постаралась приподняться на своей постели, но послушно легла обратно, встретив протест хана и боль в плече, которую благоразумно предпочла не разжигать дальше.

- Справляюсь, - решительно ответила она, но слушать лежа было не очень удобно. - Помоги мне сесть, пожалуйста, - обратилась она к принцу, потому что сама бы не справилась.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Настало время для каких-то решений. Мертвые были похоронены, живые должны были выживать дальше. Сонгцэн смотрел на то, как мужественно Лисы переносили все, что на них свалилось. Жизнь и так их не баловала, но бой с Шакалами стал страшным испытанием, которое унесло очень многих. Сонгцэн вежливо поздоровался с ханом, когда тот пришел в лазарет. Яшви хотела сесть, но в её ауре снова были видны следы сильной боли. Она все равно старалась терпеть и не жаловаться, хотя Сонгцэн видел, что эта боль её выматывала, когда сил не было и так. Он ненадолго направил на плечо девушки синюю ци, чтобы успокоить боль, затем помог Яшви сесть и подложил под её спину подушку.

- Голова сильно кружится? - спросил Сонгцэн, внимательно глядя на девушку.

После сильной кровопотери проще лежать пластом и восстанавливать силы, а не сидеть, когда можно слушать лежа. Но Сонгцэн не хотел сейчас спорить с Яшви, ни к чему хорошему это бы не привело. Он сел на колени возле девушки и задержал руку у её бедра, чтобы передать немного красной энергии, которая должна была придать Яшви хоть немного сил, чтобы та могла сидеть ровно.

Ветер Перемен

Яшви-Удган пыталась храбриться, и хан кивнул, затем отошел от нее, чтобы сесть в центре гэра на циновку возле очага. Остальные из тех, кто еще мог самостоятельно передвигаться, устроились вокруг. Хан смотрел на свое бравое воинство из стариков и калек и пытался хотя бы прикинуть, как быть дальше. Милосерднее было бы признать, что клан свое отжил, но безграничная, как монгольские степи, гордость кочевников не позволяла сдаваться, пока бьется еще хотя бы одно лисье сердце. Подождав, пока все старейшины устроят свои кости у очага, хан обвел всех взглядом, задержавшись на принце Кобр, но затем все же заскользил дальше.

- Победа далась нам нелегко, - сказал Хубилай хаан, когда все затихли и обратили на него внимание. - Мы потеряли много людей, но потеряли бы еще больше, если бы не Садхир-джи и отряд Белых Тигров. Наш клан в долгу перед вами, Садхир-джи, и перед Бо-джи.

Хан слегка поклонился, насколько могли позволить его гордость и рана на боку.

- Теперь нам нужно думать, что делать дальше. Мы не можем оставаться здесь дольше, но не все наши раненые перенесут долгий путь по пастбищам. Если мы вернемся на стоянку, то зимой будем голодать. При условии, что клан до нее доживет. Что думают наши старейшины? Брат Их-Чэрэн? Брат Тэмужин?

- Стоит остаться до тех пор, пока все не будут в состоянии сесть в седло, - предложил Тэмужин. Ни у кого не возникло и мысли, что можно перевозить раненых на телегах. Их обычно использовали только для имущества.

- Пастбища скуднеют, - проскрипел Дэй-Сэцэн, самый старый из присутствующих. Он кутался в толстую шубу даже летом, даже в прогретом гэре. - Лошади начнут голодать, если останемся здесь надолго.

- Ты, брат Дэй-Сэцэн, думаешь о лошадях, когда стоило бы думать о людях, - возразил ему Их-Чэрэн. В его интересах было остаться на месте до полного выздоровления Яшви. - Что лошади мертвым.

Яшви Садхир

Боль в плече стала чуть меньше, когда Садхир-джи снова стал делать что-то с энергией врачевания, и Яшви смогла, наконец, сесть, чтобы чувствовать себя более уверенно. Хотя принц оказался прав, голова тут же начала кружиться, а еще накатила тошнота.

- Нет, не сильно, - ответила она тихо, чтобы не привлекать к себе внимание хана и старейшин, которые могли ведь и передумать, а потому совещаться в гэре хана, а не здесь. А ей хотелось послушать, что в итоге решат. Она выпрямилась и облокотилась спиной на подушку, которая упиралась в стену гэра. - Спасибо.

Она чувствовала себя ужасно из-за того, что вынуждена лежать без дела, когда клану нужна была помощь. Она могла бы охотиться в то время, пока спала после ранения. Могла бы и сама ухаживать за другими ранеными, пусть не очень понимая во врачевании, но могла менять повязки, давать раненым воды или просто быть рядом, когда это необходимо. Она могла делать много вещей, которые не требовали бы от нее больших знаний или умений, но так она бы освободила других, более опытных людей, для более важной работы.

Она пока молчала, потому что старейшины решали, что делать, а у Яшви не было никаких дельных предложений на этот счет, как и у большинства присутствующих здесь.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

У Сонгцэна не было права говорить от лица Королевских Кобр, он мог рассчитывать только на себя, ища возможности помочь Лисам. Он был готов обсуждать с дедом возможность оказать Лисам помощь, но пока не мог озвучивать никакие свои идеи на этот счет, не получив одобрение от клана, иначе это могло поставить его Величество в невыгодное положение.

- Я могу еще задержаться у вас, - сказал Сонгцэн, обращаясь к хану. - И помочь с лечением раненых. Я немного знаю врачевание, хотя у меня не очень много опыта.

Как он ни хотел сосредоточиться на помощи Яшви, сейчас он чувствовал, что она согласится с таким решением. Хотя её лечение все равно останется для него в приоритете. Он не знал, насколько серьезными были раны остальных Лис, но жизнь Яшви лишь недавно оказалась вне опасности.

- Я могу еще написать в один монастырь, где есть более опытные лекари. Возможно, кто-то из них сможет приехать на помощь, - добавил Сонгцэн. - Мастера этого монастыря не первый год воюют с Асакой.

Ветер Перемен

Хан слушал пререкания своих старейшин, стараясь услышать в высказывании каждого рациональное зерно, к которому можно прислушаться. Но правы были все, и тем сложнее было сделать правильное решение. К тому же от духоты в гэре и боли в раненом боку хан чувствовал себя неважно. Возраст и беспокойная обстановка брали свое. Ему стоило послушаться Алахчит и остаться вместе со старейшинами вне боя, но он считал это трусостью, недостойной хана, а потому сам вел в бой своих людей наравне с более молодым и крепким Ороном. В какой-то момент он почувствовал, как что-то кольнуло в сердце, и невольно схватился рукой за грудь, как раз на словах молодого принца Кобр и врачевании, которое было совсем неразвито в клане. На этом он на какое-то время выпал из обсуждения.

- Папа! - выкрикнула Алахчит, проворно в мгновение ока оказываясь возле хана и опускаясь перед ним на колени. - Папа, тебе нехорошо? Ты упрямее самого старого мула! Принесите, кто-нибудь, воды! Где лекарь Чулуун? Папа, тебе нельзя так трудиться сейчас, когда ты ранен. Тебе нужно отдохнуть.

Хан пытался что-то возразить, но Алахчит нетерпеливо оборвала его возражения.

- Говори за меня, дочь, - сказал ей хан, и несколько молодых людей помогли Хубилаю подняться и вывели его из гэра, сопровождаемые лекарем Чалууном.

- Совет придется отложить, - сказал Дэй-Сэцэн.

- Нет, мы его продолжим. Я буду принимать решения, - Алахчит встала в середине собравшегося кружка.

- Куда лезешь, пигалица, - проворчал Орон, хмуря кустистые брови. - Без хана нечего тут решать.

- Я знаю, Орон, что ты бы предпочел кого-то из мужчин, желательно, чтобы у него уже росли усы, - дерзко ответила Алахчит. Высокая и стройная, она была похожа на гордую тростинку перед каменной глыбой. - Но сейчас за моего отца буду говорить я. Все слышали его слова. Садхир-джи, - она обратилась к принцу Кобр. - Вы говорили про монастырь, почему вы думаете, что там нам помогут? Что они попросят взамен? Мы не можем сейчас достойно отблагодарить за труды, но мы не в том положении, чтобы отказываться от помощи.

Яшви Садхир

Яшви заволновалась вместе с другими, когда хан вдруг схватился за сердце. Она часто сравнивала Хубилая хаана например, с Ниламом Садхиром, поражаясь тому, насколько разными они были людьми, хотя оба были вождями. Хубилай был как-то проще, приближеннее к ним, обычным людям, к нему не нужно было обращаться с этим высокопарным титулом. И относилась она к нему не как к королю клана, а как к

человеку более опытному и умному, но к которому она всегда, в любой момент, могла прийти за советом, или словами от духов. Яшви даже в голову не могло прийти, что она так спокойно возьмет и придет к Его Величеству в резиденции Кобр. Но она сейчас не могла даже подойти ближе, потому что не было сил подняться с постели.

- Сонгцэн, ты можешь ему помочь? - она схватилась за руку принца чуть повыше запястья, даже не за руку, а за рукав его рубахи. Она не знала, что было с ханом, но Алахчит, единственная, кто могла им так спокойно командовать, потому что он был ее отцом, а здесь к родству относились несколько иначе, уже отправила хана отдыхать и сама стала говорить за хана. На ее месте должен был быть Сохроншар, но он отправился к духам вместе с другими погибшими, оставив молодую жену вдовой.

Яшви взглянула на Сонгцэна, когда заговорили про монастырь. Ей казалось, что мастера монастыря не попросят взамен ничего, но она была в этом не уверена, потому что провела там не так много времени, как Садхир-джи. Клан мог дать лошадей, но это все, что было в его силах. Они не могли рассчитывать на чудо.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не знал, что случилось с Хубилай хааном, он не успел разглядеть ауру, но если это был сердечный приступ, он мало что мог сделать. Потому что знаний катастрофически не хватало. В Линь Ян Шо он помогал дежурным в лазарете, но в основном мытьем полов. И за эти дни возле Яшви узнал о врачевании больше, чем за годы учебы до этого. Он проводил хана взглядом и посмотрел на Алахчит, которая вышла говорить, поэтому не успел ответить Яшви.

- Они не будут ничего просить взамен, но я не могу быть уверен, что они согласятся помочь сейчас, - сказал Сонгцэн. - На моей памяти лекари монастыря помогали всегда, когда их просили о помощи. Но они в районе Лхасы, им нужно время, чтобы добраться сюда. Обычно их звали соседние деревни.

В Линь Ян Шо было много сильных и опытных врачевателей. Даже один из них мог бы сильно улучшить положение, в котором сейчас находились Лисы. Но нужно было время, чтобы письмо дошло до деревни у монастыря, и чтобы тот, кто на него отзовется, доехал сюда и нашел стоянку.

- Я могу написать письмо сейчас, вы сможете отправить гонца с ним на почту в Улан-Батор? - спросил Сонгцэн.

Ветер Перемен

Это предложение принца было выгодным. Главное проблемой всех Лис постарше была неумная гордость, которая вынуждала их раз за разом отказываться от помощи и справляться своими силами, и только критическое положение могло заставить кочевников переменить свое мнение. Алахчит тоже была лисой, но в ней не было этой гордости, наоборот, сейчас она готова была использовать любые возможности, чтобы клан жил и дальше. Гордость уже довела их до той отметки, когда дальше уже некуда.

- Мы и так многим обязаны клану Тигров и Кобр, - подал голос Дэй-Сэцэн. - Было хорошо заметно, что ему эта затея категорически не нравится, но здесь он мог по степени вечного недовольства переплюнуть даже Оронара и заслужить лавры главного пессимиста клана. - Мы можем справиться своими силами, не прибегая к чужой помощи еще и здесь.

- Вы, Дэй-Сэцэн-гуай, можете забыть о своей гордости хотя бы здесь? - в тон ему ответила Алахчит. Она совершенно не стеснялась указывать старейшинам, как не стеснялась указывать отцу. - От клана и так ничего не осталось, кроме кучки стариков, детей и женщин, которые не держат оружие. Если мы откажемся от помощи, то о нашей гордости будут слагать легенды. Жаль что только посмертные.

Остальные загудели, но было сложно понять в общем шуме, одобрительно или наоборот, неодобрительно. Только Оронар хмурился все сильнее.

- Скажите Тайчу, чтобы седлал коня. В Улан-Батор поедет он. И принесите бумагу и ручку Садхиру-джи. Мы не можем просить вас о большем, Садхир-джи. Клан останется здесь, пока не придет ответ от врачей-лечителей, но затем пойдем дальше по пути, чтобы к сентябрю быть на совете кланов. Отец поправится к тому времени.

Яшви Садхир

Теперь все зависело от врачей-лечителей из Линь Ян Шо. Яшви успела сама убедиться в том, что там были сильные маги, подкованные в самых разных областях, и они действительно могли помочь клану. Поднять на ноги хотя бы тех, кто пострадал больше других, чтобы у клана было подспорье на предстоящем совете, о котором заговорила Алахчит. Она говорила так уверенно и смело, возражая старейшинам, которые знали больше и жили дольше, что Яшви невольно ею восхитилась. Что бы сделала она сама, окажись в такой ситуации? Поджала хвост и сказала, что не знает, что ей делать, понадеялась, что снова будет кто-то, кто решит все за нее. Эта ее черта характера просто мириться с любыми обстоятельствами и приспособливаться к такой жизни казалась ей какой-то низкой, когда все вокруг твердили, что нельзя плыть по течению, нужно выгребать самой. Вот Алахчит и выгребала, когда ее брат погиб, а отец слег с недомоганием.

Яшви вдруг со всей ясностью поняла, что хан больше не поведет клан. Шепот на границе двух миров, который она уже не ждала услышать, подсказал, что она думает в правильном направлении. Алахчит придется самой вести клан на совет. У хана больше не было наследников, и никто из старейшин не сможет занять это место. Даже Оронар, двоюродный брат хана, не годился на эту роль.

- Ты поведешь клан на совет, Алахчит, - сказала она. Это не стоило говорить наедине, это стоило сказать сейчас, потому что так говорили духи. - И говорить будешь ты.

- Хан умрет? - спросил Их-Чэрэн, он сразу понял, что подразумевает Яшви.

- Я не вижу этого. Я лишь передаю то, что шепчут мне духи, - ответила Яшви со своего угла. Будущее многогранно, необязательно умирать, чтобы духи о тебе заговорили. Мир живых им интересен не менее, чем мир живых. Среди тех, кто

ушел, было много тех, кому были интересны те, кто остались.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн считал, что Алахчит была права, соглашаясь принять помощь. Потому что Лисы были в том положении, когда нужно использовать все возможности, чтобы хотя бы сохранить то, что сейчас у них осталось. Когда речь шла о здравом смысле, даже Белые Тигры могли придержать гордость и согласиться на более рациональный вариант. Сонгцэн взял принесенную ему бумагу и написал письмо настоятелю Линь Ян Шо. Он написал о том, что клан кочевников сильно пострадал после боя с людьми Асаки, и что им нужна помощь лекарей, чтобы ехать дальше. Сонгцэн просил об этой помощи от своего имени и надеялся, что кто-нибудь из лекарей отзовется. Настоятель озвучит им просьбу, но ехать или нет, решат только сами врачеватели.

- Алахчит, раз один из ваших людей все равно будет в Улан-Баторе, вы можете поручить ему, чтобы заехал в аптеку и купил антибиотики, растворы для обработки ран и обезболивающее? Это поможет уменьшить риск осложнений, пока не приедет помощь из Линь Ян Шо, - сказал Сонгцэн. - Я составлю список необходимого и дам деньги на эти лекарства. Но нужно узнать у Чулууна, может ему нужно что-то еще.

Насколько понял Сонгцэн, лекарь Лис хоть и знал свое дело, от него не стоило ожидать чудес, чтобы обходиться магией и травами без обычных лекарств. Особенно когда раненых много.

Ветер Перемен

Алахчит кивнула, услышав слова Яшви, хотя от этого мороз продрал по коже. Она могла видеть и знать больше, чем говорила вслух, но Алахчит никогда не настаивала на том, чтобы Яшви все рассказала. У нее и у духов могли быть свои причины молчать, Алахчит была благодарна уже просто за то, что духи им помогают и направляют. Она расправила плечи, чувствуя их молчаливую поддержку. Значит, она на верном пути.

- Чулуун сейчас с отцом. Если вы сможете помочь ему чем-то, Оронар вас проводит к гэру хана. Нам не нужно денег на лекарства, Садхир-джи, просто решите вместе с Чулууном, какие вам необходимы, и возвращайтесь. Тайчу будет вас ждать здесь.

Чулуун был слишком молод и не успел перенять все знания своего учителя перед неожиданной смертью последнего. Он не успел научиться от него врачеванию, что было самой большой проблемой, а больше в клане никто не владел этой магией. Алахчит уже думала о том, где Лисы могут научиться хотя бы основам малоразвитых у них магий, чтобы стать независимыми от других кланов. И она не была бы Лисой, если бы согласилась взять деньги.

- Нельзя доверять чужакам, Алахчит, - продолжал гнуть свое Дэй-Сэцэн, но уже на монгол хэл, потому что не все здесь понимали путунхуа, на котором из уважения к гостю вели разговор. - Молода ты еще, чтобы разбираться в людях.

Яшви Садхир

Упрямство некоторых советников начинало выводить ее из себя. Дэй-Сэцэн был очень стар, иногда разум начинал ему отказывать, иногда ноги, но сегодня лучше бы ноги, чем разум.

- Садхир-джи не чужак нам, Дэй-Сэцэн-гуай, - может быть излишне резко отрубил Яшви. Она никогда не спорила со старейшинами до этого дня, предпочитая промолчать и делать по-своему, но слова старика заставили ее голос прорезаться. - Он сражался за нас, когда мог бы не вмешиваться и уехать. С нас нечего брать, если вы еще этого не видите. Садхиру-джи нет причины предавать нас и использовать все, что он здесь услышит, в своих целях. Если вы доверяете мне, Дэй-Сэцэн-гуай, значит, доверяете и ему.

В отличие от советника, Яшви говорила на путунхуа, чтобы сказанное ею было понятно и самому принцу, ведь он не знал монгол хэл. Так было честно. сколько бы она ни сомневалась в правильности своего решения уехать с принцем в Покхару, сомневаться в ней или в ней самой она бы никому не позволила.

- Если мы и дальше будем отворачиваться от предложенной помощи, клан погибнет, но не в бою, как мечтают многие, а от голода или болезней, - продолжила она.

- Довольно, Яшви, - оборвала ее Алахчит, и Яшви замолчала, хотя ей было много чего высказать старому советнику. - Ни к чему разводить споры в семье, - более миролюбиво продолжила Алахчит. - Я благодарю вас, Дэй-Сэцэн-гуай, за ваше мнение, но я уже решила, как мы поступим.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Лисы ему не доверяли, особенно старшее поколение, которое могло перейти на монгольский язык, лишь бы Сонгцэн не услышал, как местные его обсуждают. Это немного раздражало, но Сонгцэн понимал, что нет никакого смысла огрызаться, все будет только хуже. Он должен был проявлять чудеса дипломатии, при том, что это не он нуждался в помощи Лис, а ровно наоборот. Лишь большой опыт общения с Белыми Тиграми позволял ему многое воспринимать философски. Суда бы маменьку, они бы договорились.

- Я готов пойти к Хубилай хаану, но не обещаю, что смогу что-то сделать. Я не успел увидеть, почему ему стало плохо, - прямо сказал Сонгцэн. - Но если что-то в моих силах, я постараюсь помочь.

У него было слишком мало опыта работы с энергией, чтобы лечить любые проблемы. Он с трудом мог вытягивать Яшви, хотя сейчас было намного проще восстанавливать её силы и снимать боль, чем в тот день, когда её ранили, и когда он чувствовал, что не справлялся сам.

- Дэй-Сэцэн-гуай, - обратился Сонгцэн к старейшине. - Я понимаю, что вы мне не доверяете. Мои причины помогать вашему клану просты и очевидны: я хочу, чтобы Яшви могла уехать в Линь Ян Шо или в Покхару и нормально восстановиться после ранения. А она не уедет, пока клан приходит в себя после боя с Шакалами. Я не могу говорить ни за Королевских Кобр, ни за Белых Тигров, ни за Линь Ян Шо, потому что приехал сюда один и по личному делу. Но я готов сделать все, что

зависит лично от меня, чтобы вам помочь. Оронар, я готов идти к Хубилай хаану, - добавил Сонгцэн и встал со своего места.

Ветер Перемен

Оронар поднялся, кивнул и направился сопровождать принца к гэру хана. Он все также не доверял юной Кобре, но видел его в бою и уже за это мог его уважать, признавая мастерство принца. Он, в отличие от большинства Лис, остался жив и даже не был серьезно ранен, и это уже о чем-то, да говорило. Но в этом мире было очень мало людей, кому Оронар действительно доверял бы. Сейчас один из таких людей не мог присутствовать на совете из-за недомогания, и именно к нему боевой командир собирался отвести принца.

Алахчит проводила взглядом уходящих принца и его сопровождающего. Теперь можно было говорить свободно - ей не хотелось выносить сор из хаты при госте. Стоило только спидам мужчин скрыться за стенами лазарета, как она повернулась обратно к старейшинам ее отца - или они теперь должны были стать ее старейшинами?

- Я не прошу вас любить Садхира-джи, - обрушилась она на них, адресуя свои слова преимущественно на Дэй-Сэцэна. - Но он наш гость, и мы - и вы, Дэй-Сэцэн-гуай - будете уважать его и причину, по которой он оказался в клане и остался здесь. Хотите увидеть закат клана Тибетских Лис? Вы этого добиваетесь, разжигая спор? Горстка Белых Тигров смогла сделать то, что не смогли сделать Лисы - уничтожить отряд Шакалов, который иначе уничтожил бы нас. Сейчас не время демонстрировать гордость, сейчас время научиться смирению, если вы хотите, чтобы ваши дети и внуки и дальше могли спокойно жить в степи. Мы потеряли многих и не может допустить, чтобы их жертва стала напрасной. Если вы не согласны со мной - я вас не могу удерживать, вы вольны покинуть совет, который мы продолжим без вас. Но, каким бы ни был ваш выбор, всех остальных я прошу высказаться, чтобы решение наше было сделано совместно. Мое мнение такого, что мы должны дождаться ответа от врачей монастыря, а затем продолжить путь, чтобы к сентябрю прибыть на совет кланов, где с остальными ханами будет решаться вопрос, что делать дальше?

На этот раз Дэй-Сэцэн промолчал. Остальные кивали и выражали свое согласие. Наконец и старец с неудовольствием кивнул, тем самым обозначив свой выбор.

Яшви Садхир

Если бы Дэй-Сэцэн продолжил что-то говорить, то Яшви нашла бы в себе силы, чтобы кинуть в него этот кувшин, но, его счастье, он промолчал, что и спасло его. Было вообще глупо вступать в этот разговор, потому что Садхир-джи мог и сам за себя постоять, но в итоге все свелось к тому, что он и Оронар покинули гэр, а Алахчит набросилась на советников.

Она была куда умнее и хитрее старых лис. Она видела, к чему все могло привести, и всеми силами старалась это предотвратить. В отличие от стариков, которые слишком привыкли к старому укладу жизни и держались за него. Их можно было понять, Яшви их не судила. Возможно, только Дэй-Сэцэна, и то скорее за нелестные высказывания в адрес принца, а не за узколобость и упрямство. Упрямство вообще

было клановой чертой характера, как и гордость, и настолько глубоко въелось в Лис, что искоренить их было бы очень трудно.

Яшви выразила свою поддержку в числе прочих присутствующих. Но ей сейчас было одновременно и приятно, что не она решает, что делать дальше, как кто-то другой, и тошно от собственной слабости и невозможности решить или придумать, что делать дальше. Она должна была быть идейным и духовным лидером клана, а она в итоге только отмалчивается и кивает, как заведенная, потому что в голове у нее нет ни единой здравой мысли.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Первое, что бросилось в глаза Сонгцэна, когда он увидел хана - нездоровый землистый цвет лица. В ауре было очень много ша-ци, не столько в области довольно неприятной раны на боку, сколько глубже, в самом сердце. Лекарь клана мельтешил рядом и толком ничего не мог сделать. Принес воду, откинул полог, чтобы в гэр шло больше воздуха. Сонгцэн попросил воды и вытянул, сколько смог, ша-ци из области груди, но на смену этой негативной энергии приходила новая, а Сушумна-нади слабела.

На какое-то время боль могла отступить, но Сонгцэн видел, что не может ни понять, ни исправить причину этого состояния. Хубилай хаан остался отдыхать, а Сонгцэн, посоветовавшись с лекарем по поводу лекарств, вернулся в лазарет, у входа в который передал список гонцу, который собирался отъезжать в Улан-Батор.

В лазарете было на удивление тихо. Сонгцэн зашел внутрь и вновь занял свое место возле Яшви. Он не хотел говорить о здоровье хана при всех Лисах, но он понимал, почему духи сказали Яшви, что клан на совет поведет Алахчит. Сонгцэн посмотрел на дочь вождя, но промолчал.

Ветер Перемен

Самые важные вопросы были улажены, теперь нужно было дожидаться решения врачей-монахов из монастыря, а до этого стараться не сделать еще хуже, чем было. Алахчит заметила, что в гэр вернулся принц Кобр, но сложно было по его лицу сказать, что ему стало известно про отца. Но сейчас было не время показывать свой страх. Сообщили, что гонец готов к пути. Он будет сказать всю ночь, чтобы утром быть в Улан-Баторе и вернуться к следующему вечеру. Алахчит надеялась, что раненые дождутся его возвращения и приезда врачей-монахов, если они все-таки решат приехать.

- Это все, что я хотела с вами решить, - сказала девушка. - Благодарю всех, теперь можете отдыхать. Садхир-джи, дождитесь меня здесь, я передам ваше письмо Тайчу и вернусь.

Она хотела поговорить с принцем наедине, чтобы узнать о здоровье отца. Так будет правильно по отношению к хану. Она приняла из рук Садхира-джи письмо и последней вышла из лазарета, чтобы дать последние наставления Тайчу. Алахчит старалась скрыть нервную дрожь, что ей неплохо удавалось. Она до конца не осознавала, во что сейчас только что ввязалась, но знала единственное - если есть хоть малейшая возможность помочь клану, она ею воспользуется, чего бы ей это не

стоило.

Яшви Садхир

Все стали расходиться после того, как вернулся Садхир-джи. Он ничего не сказал по здоровью хана, но Яшви чувствовала, что духи не так просто шептались у нее над ухом. Она почти не обращала на это внимание, но это звук был практически постоянным, как жужжание пчелы или писк назойливого комара. Иногда он становился тише, иногда громче, и с ним можно было научиться жить.

Алахчит тоже вышла. Яшви начало казаться, что этот совет только добавил новых вопросов, а не ответил на ее старые, тем более, что ее роль во всем этом сейчас была минимальной. Она просто еще одна раненая, которая не может ничего решить самостоятельно. Даже когда появилось какое-то направление, Яшви не знала, что делать лично ей. Дождаться врачей, если они согласятся приехать, это понятно, но а дальше? Все же уехать в Покхару или Линь Ян Шо, оставив клан, который все равно будет слабее, чем раньше? Особенно теперь, когда здоровье и жизнь хана находились под угрозой?

Она взглянула на принца, когда они остались наедине, но в голове теснилось столько мыслей, что она даже не знала, что ей спросить или сказать, поэтому промолчала о себе и спросила о хане:

- Духи ведь сказали правду? - уточнила она.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн кивнул на слова Алахчит. Он все равно не собирался никуда уходить из лазарета. Только планировал дождаться местного лекаря, чтобы понять, чем может помочь с другими ранеными. Это будет намного тяжелее, чем следить за одной Яшви, но куда полезнее для Лис. А самой девушке будет лучше восстанавливаться там, где не нужно постоянно переезжать с места на место.

- Похоже на то, - ответил Сонгцэн. - Что-то с сердцем, я не знаю, как здесь можно помочь.

Если лекари Линь Ян Шо и согласятся приехать, им нужно время на дорогу. Сонгцэн считал, что у Хубилай хаана этого времени могло не быть. Возможно, ему могли бы помочь в обычной современной больнице, но до неё он не доедет. Особенно в седле, а гордые кочевники не признают других способов передвижения.

- Я надеюсь, что кто-нибудь из мастеров монастыря согласится приехать, - сказал Сонгцэн. - Иначе не представляю, как Лисы могут куда-то ехать.

Алахчит в этом плане была очень разумна. Хватило бы ей опыта и авторитета, чтобы справиться со всем остальным, что сейчас на неё свалилось.

Яшви Садхир

Яшви поехала, но так, чтобы не тревожить раненое плечо. Здесь очень не хватало сильного врача, а лучше нескольких, чтобы помочь раненым. Один Садхир-

джи скорее вымотается в край, чем существенно исправит ситуацию. Она не сомневалась, что если бы это было в его силах, он помог хану, но, по-видимому, ему не хватало опыта, чтобы понять, чем тот болен. Алахчит говорила, что хан ранен, но не в само же сердце.

- Так и поедут, верхом. Говорят, что Лисы умирают в седле. Как и все кочевники, - ответила Яшви, хотя от мысли, что нужно с прибинтованной к туловищу рукой залезть в седло, становилось, мягко скажем, не по себе. Дэй-Сэцэну помогали забраться в седло аж трое - один держал лошадь, другой поддерживал старейшину, а третий ловил его с другой стороны. Это наверняка выглядело смешно со стороны, но это было часть культуры, и к этому стоило относиться с уважением. Хоть каким-то.

- Сколько будет идти ответ из монастыря, если мастера не смогут приехать? - спросила Яшви. - Они же ведь тогда напишут письмо?

Клан не мог здесь оставаться надолго, потому что все лето они зависели от дождей, засухи и скота, которому нужно было пастись. Они и так простояли здесь очень долго, несколько месяцев, и пастухи уходили с животными все дальше от стоянки, чтобы найти свежую траву.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Иногда Лисы очень напоминают мне Белых Тигров, - признался Сонгцэн.

Он не считал это сравнение обидным для клана Яшви, потому что клан матери очень уважал. Да и воины Тигров показали себя в бою за Лис с самой лучшей стороны. Просто всегда должно быть место для разумных решений, если традиции и убеждения заставляют слепо идти в пропасть.

- Я думаю, что стоит ждать недели две, - сказал Сонгцэн. - Ответ придет в любом случае, но лекарь доедет раньше, чем дойдет ответное письмо.

Он рассчитывал, что помощь сможет прибыть быстрее. Вряд ли за неделю, но хотя бы дней за десять. Болезнь хана и несколько раненых, один врачеватель-недоучка в лице самого Сонгцэна и один лекарь клана, который знал и того меньше. Это все было не очень оптимистично для раненых Лис. А в клане было еще очень много других дел, которые сложнее делать, когда погибли или выбыли из строя самые сильные и молодые.

Яшви Садхир

У Яшви не успело сложиться о Тиграх какое-то конкретное впечатление или мнение, но они были очень хорошими воинами, что не могло не вызывать уважение. Лисы когда-то тоже были хорошими воинами, а затем столкнулись с Асакой и Шакалами, и оказались почти уничтожены. Печально понимать, что некогда великий народ переживает такой сильный упадок.

Но получалось даже забавно - Оронар говорил, что Сонгцэн похож на Лис, а Сонгцэн заметил, что Лисы имеют нечто общее с Тиграми. Получается, что в Садхире-джи больше от Тигров, чем он сам думает. Но Яшви почему-то стало от этого понимания

приятно и даже тепло. Лисы были упрямыми, гордыми, свободолюбивыми. Пусть не всегда эти качества шли им на пользу, все же они не были плохими качествами. И, как бы мало времени она не провела среди Лис, Яшви успела привязаться к ним и чувствовала себя здесь как дома.

- Две недели?! - не удержалась Яшви. До нынешнего момента она даже не задумывалась о том, какое на самом деле огромное расстояние между Тибетом и Монголией. - Так долго...

У многие этих двух недель не будет. Многие не дождутся. И лишь часть сможет справиться с ранами и выжить, вернувшись к обычной или почти обычной жизни. Ужасное чувство - чувство беспомощности. Но Яшви не могла сказать об этом принцу, чтобы это не выглядело так, будто она ноет. Он делает все возможное, чтобы она быстрее пошла на поправку.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я надеюсь, что лекарь приедет быстрее. Но у нас нет возможности позвонить в Линь Ян Шо, поэтому придется ждать, пока дойдет письмо, - сказал Сонгцэн.

Кланам и монастырю не хватало оперативной связи. Был какой-то способ дозвониться до деревенского старосты, чтобы он при первой возможности сообщил новости в монастырь, но у Сонгцэна не было с собой его номера телефона. Обычно так решали вопросы мастера, или так Бу-джи искал мать по срочным вопросам.

- Мне кажется, две недели - не такой большой срок, когда речь идет о возможности спасти больше раненых, - заметил Сонгцэн.

Это все было решать не ему и не Яшви. Он вообще был здесь чужаком, и его мнение будут слушать в последнюю очередь. Но Сонгцэн считал, что Лисы не в том положении, чтобы рисковать жизнями раненых, когда этот риск можно было уменьшить. Их и так оставалось слишком мало. И Алахчит не могла это не понимать.

Ветер Перемен

Алахчит отсутствовала недолго, но успела дать все указания Тайчу и сходить до гэра хана и обратно, чтобы принести нужную для покупки лекарств сумму. Этого должно было хватить на все медикаменты, которые были в списке, хотя Алахчит лишь примерно представляла себе их стоимость. Конь Тайчу взрыл копытами землю и поднял тучу пыли, а когда она уже улеглась, девушка вернулась обратно в лазарет, где все еще оставался принц Кобр рядом с Яшви.

- Тайчу будет скакать всю ночь и к утру будет в Улан-Баторе. К вечеру вернется обратно, - сообщила она, подходя ближе. Она посмотрела на Яшви - та выглядела намного бодрее, чем вчера, когда все опасались, что она не переживет ночи, потому что потеряла много крови, а затем у нее началась лихорадка. Наверняка здесь не обошлось без стараний Садхира-джи. Яшви очень повезло его встретить, Алахчит ей даже немного завидовала.

- Садхир-джи, вы видели хана? Это из-за ранения ему стало хуже? - здесь рядом не

было никого, кто мог бы услышать этот разговор. Алахчит говорила тихо, а все остальные раненные были мужчинами и лежали на другой стороне большого гэра.

Яшви Садхир

Яшви могла бы возразить, что две недели - слишком большой срок, чтобы за это время было уже некого спасать, но ей не хотелось спорить в таких вещах. Она относилась к смерти несколько иначе, чем Садхир-джи. Можно сказать, что она слишком привыкла к мертвым, но это не значило, что она хотела видеть их вокруг себя как можно чаще и в больших количествах. Совсем наоборот, вид жизни вокруг был намного приятней.

Она не успела ничего ответить, потому что вернулась Алахчит и сразу спросила об отце. Яшви могла только догадываться, что сейчас чувствует подруга. Да и были ли они вообще подругами? Яшви не очень понимала смысла этого слова - в детстве у нее не было друзей, потому что некогда было заниматься чем-то, кроме домашних дел, а потом и вовсе с ней перестали общаться и старались никак не пересекаться. В монастыре она почти не завела никаких знакомств, и только с Алахчит они могли разговаривать о чем угодно и обсуждая все подряд, хотя их точки зрения часто не совпадали, из-за чего возникали споры.

Но сейчас, какими бы ни были их отношения, Яшви хотела остаться возле Алахчит и помочь ей хоть чем-то, не бросая наедине с трудностями, которые та взвалила себе на плечи. Она была всего лишь ненамного старше, но должна была уже вести за собой целый клан. Полный стариков, детей, женщин и раненных, которым нужна была помощь. Уехать сейчас значило предать их дружбу, пусть это будет называться так.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Вернулась Алахчит. Гонцу предстоял долгий путь до города, но чем быстрее будет отправлено письмо, тем быстрее может прибыть помощь. И эта тема была чуть легче, чем разговор о здоровье хана.

- Его рана не слишком серьезна, - сказал Сонгцэн. - Но у него больное сердце, плохо стало из-за этого. И моих знаний не хватит, чтобы понять и вылечить причину этой болезни.

Он считал, что должен говорить честно. Лисы и так ему не доверяли, и он не должен был держать лицо по ханьской традиции, чтобы пытаться выставить себя в более выгодном свете, позволив рассчитывать на него там, где он не мог реально помочь.

- Я убрал боль, насколько смог, - добавил Сонгцэн. - Но больше ничего не могу сделать. Я не уверен, что Хубилай хаан сможет дождаться помощи из Линь Ян Шо.

Хану могло стать хуже в любой момент. Сонгцэну не приходилось сталкиваться с такими больными, он не знал, как быстро будет развиваться болезнь, но видел, что без помощи кого-то более опытного Хубилай хаан не сможет долго прожить.

Ветер Перемен

Алахчит не хотела признаваться себе, что надеялась совсем на другой ответ, но постаралась не дать страху и волнению проскользнуть на поверхность через собранность и серьезность.

- Спасибо за честность, Садхир-джи, - все, что она могла сейчас сказать, понимая, что не может просить или требовать большего. - Мы будем следить за его состоянием, чтобы он дождался помощи. Вы многое сделали для нашего клана, наша благодарность будет бесконечной.

Она снова ощутила нервную дрожь, которую поспешила унять, чтобы не выдавать ее перед гостем. Всего неделю назад она улыбалась ему в надежде на ответную улыбку, но сейчас ей не хотелось улыбаться. Она потеряла старшего брата и может потерять еще и отца, и ей было не до веселья.

- Я больше не буду отнимать ваше время. Вы можете оставаться в клане столько, сколько пожелаете, и будете нашим гостем, - Алахчит пожелала обоим спокойной ночи, потому как день клонился к своему завершению, и покинула гэр.

Яшви Садхир

Яшви задумалась о том, что никогда не замечала за ханом, что он чем-то может быть болен. Возраст брал свое, это верно, но он всегда казался таким бодрым, активным, и за этой бодростью скрывалось больное сердце, которое подвело хана именно сегодня, когда нужно было решать, что делать дальше, вести клан. Алахчит выглядела уставшей, но вряд ли этой ночью она будет отдыхать. Скорее всего будет сидеть подле отца и сторожить, чтобы ему не стало хуже. Яшви в такой ситуации поступила также.

Она чувствовала себя совсем потерянной. Она надеялась, что совет со старейшинами прояснит, что будет дальше и что делать конкретно ей, но она еще только сильнее запуталась и убедилась в мысли, что должна остаться. И в этом была какая-то смутная вина перед Садхиром-джи, что согласилась выйти за него замуж, согласилась, что нужно будет уехать, а теперь вдруг дала задний ход и уперлась, словно упрямая лошадь, прикрывая страх уезжать долгом и обязательствами.

Но теперь можно было хотя бы не храбриться и не держать лицо. Яшви сползла по подушке вниз, чтобы лечь - уже давно болело плечо от такого полусидячего положения, но теперь она приняла решение не жаловаться вовсе. Здесь есть раненые, которым действительно нужна помощь принца, а боль можно и потерпеть.

- Может быть, я должна была предупредить клан тогда, перед нападением? - спросила она принца. - Может быть, что-то можно было изменить?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн пожелал спокойной ночи Алахчит, хоть и был уверен, что эта ночь у неё спокойной не будет. Ей придется непросто. Они были примерно ровесниками. Сонгцэн не представлял, чтобы сейчас оказался во главе клана, это все было где-то в далеком будущем. При том, что он все же готовился к такой перспективе с детства, зная, что унаследует трон за отцом. И все равно он знал недостаточно о том, как

руководить людьми, как вести себя с теми, чье мнение имело вес. Как налаживать внешнюю политику. При том, что его клан сейчас жил в определенной стабильности. Алахчит достались разбитая армия и горстка кочевников, которым нужно было очень извернуться, чтобы выжить в степи.

- Я не думаю, что что-то бы изменилось, - сказал Сонгцэн. - Если Шакалы вышли на охоту, они бы все равно напали. Если бы Хубилай хаан решил перейти в другое место, бой все равно бы случился, но тогда мы могли бы разминуться с Тиграми.

Яшви и сама могла понять, что бы это значило для Лис. Сейчас было пролито очень много крови, Лисам было очень трудно, но они выжили. Примерно так, как выжила сама Яшви: побывав на грани, и требовалось еще много времени, чтобы восстановиться.

Яшви Садхир

Садхир-джи был прав, все эти "если" уже не имели никакого значения, и за них можно бы было только бесконечно поедать себя живьем, не имея возможности что-то исправить. Даже если и была какая-то призрачная надежда все изменить, сейчас все было бессмысленно. Все было так, как было.

Она устало прикрыла глаза - с этими постоянными мыслями она не могла никак справиться, и только крутила их в голове, как дурную бесконечность. Сейчас перед ней стоял выбор, какого еще никогда в ее жизни ей не приходилось делать - с одной стороны была необходимость остаться там, где было ее место, в переживающим не лучшие свои времена клане, а с другой было желание быть рядом с Садхиром-джи, потому что она не испытывала ничего подобного ни с кем другим.

- Я хочу остаться в клане до сентября. До совета кланов, - сказала она наконец, открывая глаза, чтобы взглянуть на принца. Ей казалось, что он это решение не одобрит, но сейчас склонялась к нему более всего. Яшви не знала, сколько времени будет восстанавливаться после ранения, сколько будет заживать плечо, даже если учитывать помощь врачей, но залезть на лошадь она всегда сможет. Она уже привыкла управлять ею одними коленями, когда в руках было оружие, и путь по степи не должен быть для нее трудным. Точнее не самым трудным.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви устала, хотя сегодня просто какое-то время провела в сидячем положении. Ей нужно было время, чтобы прошла слабость. Кровопотеря долго будет давать о себе знать, энергию Муладхары не восстановить быстро, особенно если придется помогать и другим раненым.

- Я считаю, что нам лучше уехать в Линь Ян Шо, когда сюда приедет кто-то из лекарей. Там ты восстановишься намного быстрее, и к совету кланов вернешься в куда лучшей форме, - сказал Сонгцэн.

Яшви хотела быть нужной клану, и считала, что предаст Лис, если уедет. Но сейчас она была одним из самых тяжелых пациентов в лазарете. Она не могла сесть без посторонней помощи, даже если ей и казалось, что она может забраться в седло и куда-то ехать. И Сонгцэн пока не понимал, как ей это объяснить.

- Я не думаю, что Шакалы до этого времени будут угрожать Лисам. Мы перебили всех, кто участвовал в бою, - добавил Сонгцэн.

С Лис было нечего брать, поэтому малейший намек на то, что за них вступятся, был хорошим аргументом против каких-либо вылазок против них. Шакалам и без того наверняка было чем заняться.

Яшви Садхир

- Я должна помочь Алахчит. Хан не доживет до совета, ты сам говоришь, что он не дожидется даже врачей. Я ничего не знаю о том, как управлять кланом, но я могу спросить тех, кто знает, как это делать. Если они захотят со мной разговаривать, - она поежилась, несмотря на то, что в гэре было жарко. То, что они шептали ей на ухо, еще ничего не значило. Яшви привыкла к своей способности, к тому, что ей почти не снились обычные сны, что, засыпая, она оказывалась в пространстве вне места и времени, окруженное толстыми деревьями-колоннами, так не похожими на ставшую родной степь, с исполинской многорукой тенью, возвышающейся над горизонтом, с тысячами ушедших, но задержавшихся. Будет страшно однажды увидеть вместо всего этого пустоту.

- Как я буду выглядеть в их глазах, если оставлю клан сейчас, когда он больше всего нуждается в людях? Что это за удган такая, которая будет непонятно где в каком-то монастыре, откуда даже письмо идет две недели в лучшем случае.

Она не могла сейчас входить в транс, да и боялась, по правде говоря, но духи всегда были рядом с ней, Яшви их чувствовала также ясно, как сейчас видела Садхира-джи. Они подсказывали и направляли, когда считали нужным. И их слова не могли ждать две недели, а то и больше, они должны были быть озвучены сейчас. Наверняка принц сейчас считал ее решение упрямым и даже глупым, но сытый голодного не уразумеет. Вряд ли ему когда-нибудь приходилось видеть, как гибнет твоя семья, а ты ничего не можешь с этим сделать.

- Ты можешь вернуться в Линь Ян Шо без меня, если хочешь, - добавила Яшви, чтобы он не думал, будто она настаивает, чтобы он оставался с Лисами все это время.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- У Алахчит есть советники, которые много лет помогали хану управлять кланом, - ответил Сонгцэн. - Им часто мешает их гордость. Думаешь те, кто сможет что-то шептать тебе, сильно от них отличаются?

Раньше Лисы были намного сильнее. Духи мертвых не управляли кланом сейчас, в тех условиях, в которых оказалась Алахчит. Даже если предположить, что они захотят помочь и что-то посоветовать. Нужно было выстраивать все заново, а не пытаться вернуться к тому, чего не вернуть.

- Если ты уедешь, в глазах клана ты будешь выглядеть как удган, которая хочет подольше задержаться в мире живых, чтобы иметь возможность помочь Лисам, - ответил Сонгцэн. - И ты станешь намного сильнее, если будешь уезжать из клана и

учиться. Договорись с Алахчит, чтобы в определенные дни кто-то из её людей был в Улан-Баторе, чтобы ты могла созвониться с ними из деревни.

По-хорошему, не только Яшви стоило уезжать из клана. Она уже в свои семнадцать лет знала больше, чем многие её соплеменники, потому что всего несколько месяцев могла учиться. Если бы можно было взять на обучение лекаря клана, от него было бы намного больше толку. Но он сейчас сможет практиковаться под руководством того, кто приедет из Линь Ян Шо, это уже немало.

- Я в любом случае буду с тобой, пока твоя рана не заживет. Уеду только если вызовут в клан, - сказал Сонгцэн.

Яшви Садхир

Садхир-джи ее не понимал, но Яшви на это уже и не надеялась. Он не был шаманом, хотя тот странный сон, который был вовсе не сном, наталкивал ее на мысли, что у него есть склонность к этому дару, иначе бы подобное, что произошло ночью, вряд ли случилось. Но при этом у нее было больше опыта в общении с духами. Наверное, эту способность надо было как-то контролировать, чтобы входить с ним в контакт только по своему желанию, но Яшви все устраивало, и она не хотела их ограничивать. Да, тяжело, да, не высыпаться, но это все мелочи по сравнению с тем, какие горизонты это открывает.

Мир мертвых не был какой-то непонятной землей, где каждый делает и существует так, как хочет. Там был свой порядок и свои законы. Мертвые не вдали, они не могли этого делать. Могли лукавить или говорить загадками, так что их тяжело было понять. Их личностные качества при жизни не имели никакого значения после смерти, особенно у тех, кто провел в небытие уже очень много времени. Яшви не знала, как у других шаманов, но у нее было так. Может быть, окружение зависит от самого шамана?

- Я подожду до ответа врачей из Линь Ян Шо, - Яшви поняла, что этот спор будет бессмысленным, потому что они делят шкуру не убитого медведя. Если врачи не приедут, нужно будет снова решать, что делать. К тому же она устала, день почти закончился, и если она хотела побыстрее восстановиться, чтобы не чувствовать себя бесполезным куском, нужно было больше спать. - И потом решу, что буду делать. Но я рада, что ты останешься со мной.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Хорошо, - Сонгцэн кивнул. - Ты в любом случае еще несколько дней не сможешь никуда ехать.

Даже если Яшви казалось, что рана в плече не такая уж опасная, её организм еще не пришел в себя после кровопотери. Она могла это почувствовать сегодня, пока сидела во время совещания. И будет еще хуже, когда Яшви попытается встать на ноги. Какое там ехать в седле, хоть с кланом, хоть до Улан-Батора, чтобы лететь в Линь Ян Шо. Что бы ни думали на этот счет кочевники, есть законы, по которым работает тело человека. И никакое упорство не может их обойти.

- Ложись спать. Я уберу боль, чтобы ты могла заснуть, - сказал Сонгцэн.

Он набрал воду, чтобы через неё вытянуть ша-ци. Сонгцэн планировал, когда Яшви уснет, поговорить с лекарем клана насчет других раненых. Но пока нужно было убрать боль, о которой девушка молчала, но которая была хорошо видна в ауре. Рану растормошили, и она быстро наполнилась новой ша-ци. Нужно было заживлять ткани, но на это требовалось много энергии, которая могла оказаться важнее, чтобы поддерживать Муладхару.

Яшви Садхир

Спор на этом можно было считать закрытым, хотя они так и не пришли к единому мнению. Яшви легла удобнее на своей постели, которая успела ей надоест. Она никогда так долго не лежала без дела, и безделье ее выматывало, даже когда она старалась больше спать. И это не удавалось воспринимать как отдых, скорее как бесполезную трату времени.

Плечо ныло и зудело, но от стараний принца боль начала потихоньку утихать, и совсем скоро стала совсем незаметной. Яшви не заметила, как уснула, просто в одно мгновение была еще здесь, а после ее глаза закрылись сами собой, и она провалилась в сон.

Всю ночь ей снились мертвые, хотели что-то сказать, но говорили настолько имхо, что она ничего не могла разобрать. Их было много, очень много, мужчины, женщины. Залитые кровью, слабые, напуганные. Они хотели, чтобы она осталась, а Яшви не понимала, что им от нее все-таки нужно. Ведь она никуда и не собиралась, а им было важно, чтобы она осталась. Под утро она увидела, как Хубилай хаан обнимает старшего сына, их лица были спокойны и радостны.

Она проснулась и поняла, что ночью все-таки случилось то, о чем предупреждали духи. Хан ушел.
